

РУССКИЙ ХРАМ-ПАМЯТНИК В ЛЕЙПЦИГЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

*Составитель,
ответственный редактор
М. Э. Дмитриева*

Санкт-Петербург · Коло · 2015

УДК 257(430)-523.4
ББК 86.2(4 Герм)
Р89

*Издание выходит в свет при поддержке
Центра истории и культуры Восточно-Центральной Европы*

Р89 Русский храм-памятник в Лейпциге : сборник научных трудов / сост., отв. ред.: М.Э. Дмитриева. — Санкт-Петербург : Коло, 2015. — 240 с. ; ил.
ISBN 978-4-4462-0054-2

Храм-памятник во имя Святителя Алексия, митрополита Московского, возведен в Лейпциге в 1912–1913 гг. в честь столетия Битвы народов.

В издании собраны статьи исследователей в области искусствоведения, истории культуры и церкви. Благодаря этому возведение храма, его освящение, бытование в XX столетии и реставрацию последних лет удалось представить в самом широком историческом контексте, чему также способствует публикация редких архивных и музейных материалов и участие зарубежных авторов.

Для специалистов в области истории искусства, архитектуры и культуры, преподавателей и обучающихся по профильным специальностям.

УДК 257(430)-523.4
ББК 86.2(4 Герм)

ISBN 978-4-4462-0054-2

- © Коллектив авторов, текст, 2015
- © ГНИМА им. А. В. Щусева, иллюстрации, 2015
- © Оформление. ООО «Издательский дом „Коло“», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Марина Дмитриева.</i> От составителя	5
<i>Штефан Рейхельт.</i> Православный мир в Лейпциге в XVIII и XIX вв. и русская церковь *	12
<i>Лидия Ивченко.</i> Русские воины в Битве народов под Лейпцигом и храм-памятник Святителя Алексия	24
<i>Хартмут Май.</i> Русский храм-памятник Святителя Алексия в Лейпциге (1910–1913) *	39
<i>Сергей Гаврилов.</i> Из истории создания храма-памятника во имя Святителя Алексия в Лейпциге	59
<i>Райнер Крумфей.</i> Реставрация храма-памятника Святителя Алексия в рамках подготовки к столетию церкви *	126
<i>Татьяна Иванова.</i> Художественное наследие В. А. Покровского в собрании Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева	133
<i>Диана Кейпен-Вардиц.</i> Храмовое зодчество неорусского стиля	144
<i>Кристиан Любке.</i> Святитель Алексий, митрополит Московский. Его жизнь и труды *	171
<i>Александр Мусин.</i> Храм-памятник в Лейпциге в контексте церковной традиции увековечения воинской памяти	181
Список иллюстраций	229
Указатель имен	234

* Перевод с нем. А. В. Вознесенского.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В октябре 2013 г. в Лейпциге праздновали двойной и даже тройной юбилей. Во-первых, в Саксонии пышно отмечалось двухсотлетие Лейпцигского сражения с войсками Наполеона, получившего название Битвы народов (хотя саксонские армейские части сражались в составе Великой армии Наполеона и только во время Лейпцигской битвы перешли на сторону союзников). Российская армия численностью в 142 тыс. солдат, офицеров и всадников так называемой иррегулярной кавалерии была включена во все четыре армии союзников — Богемскую (Главную), Силезскую, Северную (Шведскую) и Прусскую¹. Поэтому и потери русских оказались очень большими: по официальной статистике того времени, 22 тыс. русских воинов по сравнению с 16 тыс. пруссаков, 12 тыс. австрийцев и 300 шведов. Во-вторых, в центре внимания городской общественности было столетие со дня сооружения памятника Битвы народов, утратившего в результате реставрации свою мрачную темно-серую патину². Официальное открытие этого гигантского монумента, возведенного на поле битвы и строившегося на народные пожертвования почти 15 лет, произошло 18 октября 1913 г.

В тот же день в присутствии германского императора Вильгельма II, короля Саксонии Фридриха Августа III, австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, представителя российского императора, великого князя Кирилла Владимировича, и других важных особ, произошел торжественный молебен в освященном накануне православном храме-памятнике во имя Свт. Алексия,

¹ Численность российской армии указывается по данным, приведенным Лидией Ивченко (см. с. 25 наст. изд.).

² Обширная реставрация, начатая в 2003 г., не была завершена к юбилею. Предположительно, весь ансамбль будет отреставрирован к 2017 г. Как и в случае с российским храмом-памятником, это связано в первую очередь с выявленной только в процессе реставрации исключительной сыростью всей кладки, вызванной особенностью болотистого грунта.

возведенном в предельно краткие сроки неподалеку от немецкого памятника. И этот юбилей, хотя и слегка омраченный не законченной вовремя реставрацией храма, скрытого тогда еще строительными лесами, тоже стал в 2013 г. важным событием в жизни города. В ряду мероприятий, связанных со столетием храма-памятника, стояла и конференция, посвященная этому памятнику архитектуры, истории и православной культуры. Она прошла в Центре истории и культуры Восточно-Центральной Европы при университете г. Лейпцига, а организовали ее настоятель храма, протоиерей Алексей Томюк, и я — научная сотрудница Центра, искусствовед Марина Дмитриева. Материалы конференции, обогащенные в дальнейшем и новыми статьями, составили основу представляемого теперь на суд читателя сборника научных трудов.

В ходе подготовки книги стало ясно, какой значительный, но в то же время мало изученный памятник архитектуры и культуры является предметом нашего исследования. Удалось собрать главных знатоков не только истории храма-памятника и творчества его создателя, Владимира Александровича Покровского, получившего, кстати, за этот проект звание «Архитектора Высочайшего Двора» в России и звание профессора — от саксонского короля. Пристально взглянули на лейпцигский храм-памятник специалисты по церковно-историческим дисциплинам, теологии и богословию, истории Наполеоновских войн, по истории русской архитектуры эпохи модерна, по археологии и истории Восточной Европы. Ведущий сотрудник отдела охраны памятников Лейпцига, отвечающий за сохранность памятников общественного назначения в Лейпциге, *Райнер Крумфрей*, написал краткую справку о последней реставрации храма. Российские и немецкие специалисты объединены в этой книге интересом к творению российского архитектора в немецком городе. Большая честь для нас и то, что одним из участников книги является первый серьезный исследователь храма-памятника — теолог и историк искусства *Хартмут Май*. Еще в 1970-е гг., будучи преподавателем лейпцигского университета, он впервые заинтересовался архитектурой и иконографией храма. В своей статье для нашего сборника он показал, в каком единстве находятся архитектура, символика и функция храма-памятника. Ведь этот двухъярусный храм, ориентированный в своей композиции на церковь Вознесения в Коломенском, был создан не только как православная церковь, но и как мавзолей в память воинов, погибших на поле боя при Лейпциге.

В нижнем этаже церкви, нынешнем храме во имя Св. Велико-мученика Пантелеимона, должен был, по заданию Строительного комитета, разместиться музей артефактов битвы; именно туда ведет богато профилированный вырезанный из песчаника главный портал. В крипте захоронены останки трех офицеров и одного безымянного солдата. *Людия Ивченко*, главный хранитель музея-панорамы «Бородинская битва», изучила биографии этих и других русских участников Лейпцигского сражения. На основании архивных документов и свидетельств очевидцев она восстановила их судьбы и роль в сражении, оказавшемся для них последним.

Торжественное богослужение по православному обряду, совершенное 28 декабря 1912 г. по поводу закладки храма (закладной камень, вмурованный в восточную стену, виден и сейчас), можно было бы сегодня назвать «экуменическим»: на нем присутствовали представители «всех христианских конфессий» — евангелическо-лютеранской, католической и православной, что, видимо, отражало и состав населения города. Оно потрясло жителей Лейпцига, судя по статье в местной прессе, красочностью одеяний православных священнослужителей и российских официальных лиц⁵.

Большая удача — возможность, благодаря исследованию *Татьяны Ивановой*, хранителя фонда Покровского, и любезности дирекции музея, познакомиться с материалами, хранящимися в Научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В. Щусева в Москве, и особенно показать красочные и тонкие эскизы Покровского, связанные с работой над проектом храма. Глубокий знаток творчества архитектора *Сергей Гаврилов* поднял обширные пласты архивных материалов по деятельности Строительного комитета, созданию проекта и осуществлению строительства в рекордные сроки — немногим более года! Владимир Александрович Покровский предстает благодаря его открытиям архитектором и художником, создавшим храм-памятник как единое и гармоничное произведение искусства — от архитектурной формы до элементов церковного убранства, включая эскизы иконостаса, памятных досок с вырезанными стилизованным полууставным шрифтом на плитах из местного камня текстами, мозаичных икон на наружных стенах, пятиярусного паникадила с лампадами из цветной смальты красно-золотистого цвета, и даже большого ковра с райскими мотивами (отреставрированный ковер

⁵ Leipziger Tageblatt. 28. Dezember 1912. Leipzig.

ныне хранится в Музее декоративно-прикладного искусства (Музее Грасси) в Лейпциге). Судя по переписке со старшим коллегой, Л. Н. Бенуа, Покровский был еще и остроумным и наблюдательным собеседником и, главное, внимательным руководителем — в заботе о жилье для своих сотрудников и коллег (работы по монтажу внутреннего убранства проходили накануне открытия практически круглосуточно) и хлопотах об их награждении за эти труды.

Диана Кейпен-Вардиц (Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры, Москва) показала, что, несмотря на единичность замысла и исполнения, творчество Покровского вписывается в такое уникальное явление русского модерна, как «неорусский стиль» — последний этап развития национального стиля в архитектуре царской России. И здесь Покровский стоит в одном ряду с другими крупными мастерами — А. В. Щусевым, И. Е. Бондаренко, С. С. Кричинским. Это явление связано было, с одной стороны, с научным изучением древнерусского искусства. Напомним, что образцом для архитектурного облика нашего храма-памятника является храм Вознесения в Коломенском, построенный в первой трети XVI в. Иконостас главного храма и иконы крипты, написанные современными иконописцами, ориентированы на традицию XVI и XVII вв. С другой стороны, по мнению исследовательницы, контекстом расцвета культовой архитектуры, одним из шедевров которой является храм в Лейпциге, было так называемое религиозное возрождение конца XIX — начала XX в.

Протестантский пастор и специалист по православному богословию *Штефан Рейхельт* (Грос-Кёльциг, земля Бранденбург) описывает историю православной общины в Лейпциге — с начала XVIII в., когда возникла греческая домовая церковь или модельный дом на Катаринен-штрассе, и до времени строительства храма-памятника. По его мнению, центр православной культуры, в создании которого участвовали поначалу греки, но потом и русские, и другие православные славяне, а также армяне и румыны, не случайно возник в Лейпциге. Этот город был известен как центр книгопечатания, особенно богословской литературы, по праву гордился знаменитым на всю Европу университетом, в котором охотно учились студенты из России, и экономически процветал благодаря своим ярмаркам — местам встреч культур, международных контактов. Защита веры гарантировалась с начала XIX в. конституцией королевства Саксонии, а протестант-

ские власти города, по мнению Рейхельта, с «принципиальной благосклонностью» относились к православной вере. Всё это сделало возможным строительство православного храма.

Рассматривая проект Покровского, городское собрание депутатов увидело в устремленном ввысь шатре храма «желательное обогащение силуэта нашего города», а аргументом бургомистра Рудольфа Дитриха в пользу строительства была память о павших воинах и «любезность в отношении между народами».

Специалист в области церковной археологии, историк и богослов *Александр Мусин* (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург) показал, как храм-памятник, созданный в начале XX столетия, продолжает некоторые традиции меморизации воинской славы, восходящие к эпохе русского Средневековья и раннего Нового времени. В то же время он обратил внимание на многоплановую идейную подоплеку этого проекта, связанную, по его мнению, со сложной политической ситуацией в Европе накануне Первой мировой войны. Определенное послание, понятное современникам, но необязательно ясное для восприятия сегодня, прочитал он и в выборе лично императором (из трех, предложенных Покровским) архитектурного проекта, ориентирующегося на церковь, возведенную московским великим князем Василием III в честь рождения наследника, продолжателя династии и будущего царя Ивана Грозного, и в диалогическом соотношении с немецким памятником, и даже в освящении храма во имя Святителя Алексия, митрополита Московского, святого покровителя ныне канонизированного цесаревича Алексея, чье тезоименитство отмечалось 18 октября. Эту связь увидел и *Кристиан Любке* (Центр истории и культуры Восточно-Центральной Европы, Лейпциг), проанализировав эпохальную фигуру московского святителя (в миру Елевферия, сына боярина Фёдора Бяконта) как исторического деятеля и умелого политика, сыгравшего важную роль в процессе укрепления Московского государства.

В результате такого стереоскопического обзора храм-памятник предстал в различных своих ипостасях и функциях — от времени его создания и до наших дней. Картина эта оказалась многозначной, во многом противоречивой, отражающей дух времени накануне великой катастрофы, но и во многом своим обликом и замыслом противостоящей ему. Храм Свт. Алексия оказался одним из последних памятников церковной архитектуры царской России, возведенных за ее рубежами накануне Великой

войны, и действительно, если пользоваться понятием французского историка Пьера Нора, воплощением исторической памяти (*lieu de mémoire* — место памяти).

Благодаря различным подходам, включению в исследование памятника специалистов из Германии и России, привлечению большого количества архивных материалов удалось впервые воссоздать тот многосложный диалог, который происходил между немецкой и российской стороной в процессе проектирования, строительства и последующего существования храма. Этот диалог — захватывающая, подчас драматическая история человеческих взаимоотношений, борьбы амбиций, прекрасноты и благородства одних, подозрительности, политиканства и карьеризма других участников. Выявились интересные фигуры, сыгравшие ключевую роль в создании памятника. Таковыми являются, прежде всего, российская дворянка Ольга Петровна Дмитриева. После путешествия по Германии, во время которого она наблюдала подъем националистических настроений в связи со сбором средств «Союзом патриотов» на строительство немецкого монумента, она высказала идею о необходимости, в ответ на германскую инициативу, собрать средства и построить храм в память о павших воинах — памятник, достойный той роли, которую Россия сыграла в «деле освобождения Европы от ига Наполеона». Сама она благородно ушла на второй план, отказавшись участвовать в торжествах. Но и роль главы Торговой палаты, торговца пушниной, коммерческого советника Фридриха Вильгельма Доделя (кстати, женатого на русской), с немецкой стороны координировавшего проект, очень важна, хотя и неоднозначна. Устанавливая тесные связи в высокопоставленных кругах, он, конечно, заботился о своих торговых интересах. Но, опекая строительство, ведя обширную корреспонденцию, выступая посредником между Покровским и немецкими архитекторами Вейденбахом и Чаммером, курирующими проект, наконец, жертвуя значительные суммы на обстановку и поддержание храма, он руководствовался не только меркантильными соображениями.

В ходе работы стало понятно, какую важную роль играл храм-памятник в планировании мемориального ландшафта и городского пространства в осваиваемой тогда юго-восточной части города. К этому ансамблю относится и, сооруженное уже во время войны, в 1916 г. монументальное здание Немецкой национальной библиотеки прямо напротив русского храма-памятника, хранилища всех публикаций на немецком языке, начиная

с 1913 г. Современники воспринимали русский храм в едином комплексе с монументом Битвы народов. Недаром городские головы рассматривали православный храм как «дополнение к близкому нашим сердцам монументу Битве народов». О нем писали как о «радующем глаз своим эстетически удачным и поразительно красивым обликом»⁴. Но, в отличие от памятника Битвы народов и, к слову сказать, также возведенных в Лейпциге к столетнему юбилею австрийских памятников, которые мобилизуют национальные чувства, помяная только своих павших, главный портал русской церкви обрамляют памятные доски, на которых указаны и жертвы союзников,— пруссаков, австрийцев и шведов.

В заключение хочу высказать благодарности прежде всего настоятелю храма протоиерею Алексею Томюку за неоценимые советы в подготовке этой книги. Я благодарна хранителю отдела русской архитектуры Музея архитектуры им. А.В. Щусева в Москве, Татьяне Дудиной, заведующей отделом архитектуры XVIII–XIX вв. и директору музея, И.М. Коробьиной, а также историку архитектуры Ирине Тереховой за помощь и поддержку в публикации материалов музея. Я очень признательна директору издательства Антону Вознесенскому за квалифицированные переводы немецких статей и арт-директору Светлане Булачевой за творческий и профессиональный подход к работе над книгой. И, наконец, хочу поблагодарить за поддержку этого проекта Центр истории и культуры Восточно-Центральной Европы (GWZO) в Лейпциге, научная деятельность которого финансируется министерством образования и науки ФРГ.

Марина Дмитриева

⁴ Leipziger Tageblatt. 28. Dezember 1912. Leipzig.